

Александр Кованов

ЧАРУШИНКИ и другие рассказы

Детям. Большим и маленьким

Александр Кованов

**Чарушинки и другие рассказы.
Детям. Большим и маленьким**

«Издательские решения»

Кованов А.

Чарушинки и другие рассказы. Детям. Большим
и маленьким / А. Кованов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903189-1

«Чарушинки» — сборник рассказов о природе и человеке, собранный по крупицам из воспоминаний бывалых охотников и людей, занимающихся охраной природы. Вдохновителем сборника стал известный советский писатель Евгений Иванович Чарушин, книги которого были одними из самых любимых в детстве. «Память детства» — сборник автобиографических рассказов о детстве, проведённом на Алтае.

ISBN 978-5-44-903189-1

© Кованов А.
© Издательские решения

Содержание

Чарушинки	6
Лиска	6
Лосихины слёзы	8
Мифка колосяпый	11
Мишки рыбалят	14
Самая вкусная рыба на свете!	17
Рысёнка	19
Манефа	23
Праздник без конфет	27
Сказ о трясогузке	29
Туки-туки... Варезки...	32
Ласточкина наука	34
Сказ о муравьях	37
Лесной умывальник	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Чарушинки и другие рассказы Детям. Большим и маленьким

Александр Кованов

Фотограф Александр Николаевич Кованов

© Александр Кованов, 2018

© Александр Николаевич Кованов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-3189-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чарушинки

*Светлой памяти
ЧАРУШИНА Евгения Ивановича,
писателя, натуралиста, любимца детей...*

Лиска

Лиска появилась в нашем доме к концу зимы...

Дед Никифор притащил...

Ставил он петли на зайцев, да бурчал, ломая крепкий наст: «Худые зайцы стали! Обленились, что-ли? И, зима малоснежная... И трава, из-под снега, зелёнькая топырщится... И грибов сухих вдоволь... А им – всё мало! Обленились зайцы... Обленились...»

А тут, ввалился в избу, вместе с морозным паром и... «тявкающим» мешком через плечо. Буркнул что-то, под нос, и выдал:

– Нате вам, пострелята! На баловство!

Пока дед раздевался, да разувался, ругаясь на злой морозец, и спущенные петли, внуки бросились выворачивать мешок...

Из мешка вывалилось «рыжее чудо». И, тут же, таякая и возмущаясь, начало кусать внучат за пальцы и штанины.

Молодая лиска! Выводка, видать, весеннего. Глупая, непуганая!

– Гля-кось, Васятка! Совсем её дед зашугал! То кусается, то руки лижет...

– Ага! Балда – балдой! ...Эт, с перепугу она! Да, от табачища дедова!

– Ой! Ванька! Да. На ейной шее – кровь! И лапка поранена!

– От, петли-то, на шее, – выдал Ванятка, со знанием дела, – А лапу... Лапу, видать, выкручиваясь повредила, зверушка...

Дед уселся поближе к печке, уложив на полати сырые валенки и тулуп. Долго разминал замёрзшие, и отёкшие, от долгой ходьбы ноги...

– Дед!

– Что вам ещё?

– Дед! А ноги у тебя – как лапы у гуся! Красные!!!

– Тьфу, на вас, бесенята!!!!

Внуки покатались со смеху, а дед, ругнувшись в бороду, закурил. Бедный лисёнок шарахнулся под кровать. Но Васька и Ванька не дали ему там найти убежище. Вытащили, стали раны рассматривать и «лекарские принадлежности» искать.

* * *

Назвали найдёныша «Лиской»... Лизаветой не стали величать – всё ж, человечесьё имя!

Лиска привыкла к людям... Перестала шарахаться от громких звуков, дедова табака и ребячьих шалостей...

Веселилась и играла с малышней, как домашняя кошка...

Они ей тряпочку на жгут привяжут, и носятся по избе, как оглашенные. А она, глупая, за ними. Всю пыль в доме подымут! Никакого порядка!

Дед Никифор побурчит-побурчит, да перестанет, глядячи на внуковы забавы...

* * *

К середине марта с крыш свисли полуметровые сосульки... Солнышко грело так, что у Ванятки и Васьки ранние конопушки высыпали на носу и щеках...

Воробьи, с раннего утра и до заката, галдели под стрехами и купались в лужицах, которые выбивали сосулечные слёзы в чернеющем снегу...

А Лиска... Лиска приболела... Перестала играть с мальчишками, не бросалась на еду в привычной миске. Лежала у печи, уставившись на дверь, и ничто её не радовало.

– Так, ребятки! Хватит! Лиске на волю пора!

– Это, как же, деда? А, как же, мы?! С кем мы будем играть?! – возмутились внуки.

– А. вот так! Вам дом – изба, а лисёнку – лес! Не переживайте! Лиска будет к вам в гости приходить!

– Деда! Правда? Правда, будет приходить?! – всхлипывали мальчишки, размазывая горькие слёзы по конопатым щекам.

* * *

Рано утром, пока внучата дружно сопели носами на русской печи, Никифор вынес Лиску в лес. Не в мешке нёс, а на руках...

Опустил её на проталинку тёпленькую, и шепнул вслед:

– Ступай, Лиска-найдёнка! Не забывай нас...

В сентябре, когда дед с внучатами ходили за грибами, то тут, то там мелькала рыжая молния... То в ельнике, то в орешнике, то папоротником зашуршит...

– Лиска проведать пришла! – говорил дед, расцветающим в улыбках, внукам...

(22 марта 2014 г. 15.15.)

Лосихины слёзы

В апреле, как обычно, дед Никифор обходил лосиные «приметинки».

Что это такое?

Говоря словами самого деда Никифора: «Лось любит места высокие, светлые да прикормленные. Лось – та же корова, только лесная. Как приманишь-привадишь, так он тебе и ответит. Ты к нему с добром, и он – не забодает!»

С апреля у лосей начиналось появление малышей.

В обязанности деда Никифора, как очень ответственного егеря, входила забота о лосях и их потомстве.

Подготовка к этому важному делу началась загодя за неделю. Дед, со своими внуками, съездил на таёжные делянки сено проверить. Затем, в лабазе, стоящем на высоких, лиственничных столбах, он долго перетряхивал запасы овса и пшеницы. Вечерами, мешая внукам спать, колол в сених каменную соль...

Зима в этом году выдалась снежной... Прежде чем выбраться из избы, приходилось долго махать широкой деревянной лопатой. Взмокший дед, от которого пар валил в самый суровый мороз, устав, вручал лопату внукам – Ваське да Ваньке. А, они-то... Разве, не мужики?! Кряхтели, фырчали, сопели, пробивая в полутораметровом снегу, ход... До большой дороги...

Потом вместе пили чай из самовара. ...С блюдечек... «Как положено», водрузив их на четыре пальца... Мерно подувая на «чайное море», и прикусывая колотый сахарок...

«...Фу-у-у-у... Хрусть! Хлюп! ...Кхе-е-е-а-ах-х-х!!!... Вкус-но-ти-ща!!!»

* * *

Апрель не задался... Уже бы и речке ото льда избавиться, ан-нет! Не сдаёт зима позиций! Снег, как лежал, так и лежит! Морозы, как трескали, так и потрескивают! Не дают спуска сосулькам, которые, в ясные дни, отзванивают весенней капелью... А ночью – снова... Мороз да вьюга...

Кряхтит дед Никифор на печи: «Доколе, Господи? Все мои жилочки-суставчики наизнаночку вывёртывает... А у меня делов – уйма!!! Помилуй, Господи!»

И кряхтит... И ворочается с боку на бок, толкая внучат среди ночи...

Сон – не он... И явь – не явь... Курит, в печку, всю ночь и ругается шёпотом на «небесную канцелярию»...

* * *

Однажды, глубоко до зари, дед засобирался... Зажёг лампу керосиновую, загремел чугунками-чашками, чем всполошил внуков...

– Деда! Ты куда?!

– Тссс! Спите, воробышки! Я – до лосей...

Никифор вышел из избы, плотно прикрыв за собой дверь. Вдохнул леденящий воздух, откашлялся в рукавицу и направился запрягать Савраску.

Несколько минут спустя, снег туго захрустел под, нагруженными сеном, дровнями. Три четверти убывающей Луны были вместо фонаря. Наезженная колея – ориентиром. А дальше... Дальше дорогу только дед Никифор знал.

Когда солнышко уже засеребрило жемчугами инея на деревьях, Никифор полдела сделал... Разложил сено в кормушки, насыпал овсяные дорожки в лотки-долблёнки. Туда же и соль колотую аккуратненько уложил...

Сел передохнуть на дровни... Чу?

Ветка хрустнула... Затем – другая... И... Стон... Будто человек раненый...

Присмотрелся Никифор, притаился... Видит, из распадка, глубоким снегом захороненного, молодая лосиха пробирается.

Глубок снег! Даже длинные лосиные ноги не достают тверди, чтобы опереться. Да, к тому же, живот беременный, к снегу прижимает.

Не идёт лосиха, а ползёт по снегу. Ноги еле вытаскивает. Каждый шаг – со стоном у бедненькой... Голодная, видать, коли ломится напрямую, через глубокий снег, на запах свежего сена и овса...

Савраска, хотел было, фыркнуть, но взглянул на Никифора... Тот поднёс палец к губам. Дескать – «Ти-ши-на!» ...Замер Савраска...

Только Пистону, лайке дедовой, не хватило терпения. Топотил, топотил он лапами по насту, да не выдержал... Тявкнул так, что эхо разнесло эту неторопь по остекленелому воздуху...

Рванула лосиха в сторону березняка, а Пистон – за ней, как за добычей. Следом – Никифор, с руганью на бестолкового пса.

Догнали лосиху через полчаса. Дед, на ходу, сбросил с себя тулуп, не в силах тащить его на плечах...

Лосиха застряла в развилке двух берёз. Дёргалась, кричала голосом человеческим, от страха, но ничего не могла поделать.

– Тише, милая, тише! Что ж, ты, мамка, так разухарилась? О-о-о-о-о! Вот, и телочек на подходе... Да, не бойся! Не бойся! Я... аккуратненько... Как Зорьке, коровке своей, так и тебе помогу...

Шаг за шагом, дед Никифор подходил к испуганной лосихе, нашёптывая ласковые слова. Приблизившись вплотную, он стал чесать её за ухом. Та прикрыла глаза, и замерла, доверяясь человеку.

Сколько времени минуло – одному Богу известно...

Лосиха, освобождённая из «берёзового плена», лежала на снегу, вылизывая новорождённого лосёнка.

Дед Никифор сидел рядом.

В одной рубахе.

А, как, иначе?

Фуфайка и свитер – под лосёнком.

Как пелёнки под младенцем...

* * *

Гладил дед Никифор лосиху по голове, что-то нашёптывал ей... А она... Она тыкалась ему, в заскорузлую ладонь, мокрым носом, и... плакала...

То ли, из благодарности... То ли из страха...

Но слёзы были настоящие... Материнские...

(22 марта 2014 г. 19.50.)

Мифка колосяпый

...Новогодье...

Чурочки берёзовые в печурке похрустывают... Разговаривают с теплом, в избу вкрадывающимся...

Дед Никифор, сидит-посиживает, на мягоньком стульчике, да валеночки подшивает. Рядом – внучата... Васька да Ванька.

Ванятка махонький совсем, а разговаривать пытается, как большой...

– Слухай меня, Ванятка, да повторяй! – бурчит дед, пряча усмешку в бороде.

– С... С-лю-хаю...

– Мишка косолапый

По лесу идет.

Шишки собирает,

Песенку поёт...

– Эх! ...Миф-ка!!! Ко-ло-ся... -ПЫЙ...!!!

Покатился Васятка, старшой внук, по полу. Закатился смехом залиvistым.

А Ванька... Ванька надулся, как пузырь мыльный. Насупился. Сжал кулачки, вытер ими под носом, размашисто, и выдал:

– Сами... вы!!! Ду-ла-ки! Ко-ло-ся-пы-е!!!

Тут, и дед Никифор не удержался. Захохотал, закашлялся. Покраснел, как рак варёный. А Васька соскочил и, давай, колотить-выколачивать кашель из дедовой спины.

Ванька поплевался, свернул две «фиги» и, на полати полез, бурча что-то, детски-обидное.

– Да, ладно, Вань! Не обижайся! – сказал Никифор, бережно поддерживая внука.

– Ну, вам! Тьфу! Сами... Ду-ла-ки...!!! Ко... Ко... Ко-ло-ся-пы-е...!!!

Вот, тут-то, стёкла заиндевелые задрожали от хохота. Ванька завернулся в дедов тулуп, и стал горько плакать. А дед, со старшим внуком, хохотали так, что фитилёк лампадки, в «красном углу» заколыхался...

* * *

Сентябрь пришёл жарким и капризным...

То баню настоящую устроит к полудню, то рванёт дождичком... А, дождичек-то, холодненький! Падают капли крупные, за шиворот... До дрожи прошибают...

Зато, грибов и ягод – навалом!!! Загребай лопатой!!!

В один из таких дней, собрал Никифор внучат в лес...

Белых грибов набрали кузов, подберёзовиков да подосиновиков – два! А груздей и опят – неисчислимое множество!!! Даже конь любимый, Савраска, возмущённо фыркал, глядячи на телегу, наполняющуюся коробами да кузовами с грибной «братией».

Пистон носился за мальчишками по кустам, зазывая играть с ним. То в еловых лапах укроется, то в зарослях лещины... Приляжет, и помалкивает хитро. А, как устанут мальчишки его искать, отвлекутся, твякнет звонко: «Дескать, здесь я!!!»

Дед Никифор уселся на пенёк, сказав самому себе: «Передохнуть надоть!»
Глянул на шалунов, ухмыльнулся и окликнул их:

– Эй! Бездельники! Поднимитесь по склону! Там – малинник знатный! Пистон, веди!!!

Верный пёс, будто понимая язык человеческий, метнулся по склону. Остановился, наострил уши, и твякнул: «За мной!»

* * *

– Не обманул дед! Знатная малина!
– Ага! Ел бы, да ел...
– Ешь, Ванятка! Ешь, вдоволь! Накапливай жир на зиму... Как... Мифка колосяпый...
– Не обзывайся! Ду-лак... Ду-рррак! Ко... Ко-лосяпый!

Васька упал на землю, залившись хохотом. Пистон подскочил к нему, думая, что игра продолжается. Стал вылизывать васькино лицо. Тот отталкивал собаку, кувыркаясь в прошлогодней хвое, и хохотал.

А Ванька, обиженный таким бессердечием, упал наземь, и горько заплакал...

Вдруг, в малиннике, что-то хрустнуло... Зашевелилось, засопело, и выдало, гортанно: «У-у-у-о-о-о-р-р-ь-ь-ь...»

Пистон встал в охотничью «стойку», замер...

Мальчишки вскочили, и стали осторожно вглядываться в заросли.

Из-за малины поднималось... «Что-то»... Тёмное и страшное...

– И-и-и-й-й-й-яу! – не выдержал Пистон, и бросился в атаку.
– Ё-ё-ё-ё-ё-ё! Р-р-р-ё-ё-ё! – раздалось ему в ответ от «чудища лесного».

Мальчишки, не чувствуя ног, бросились бежать. Орала так, что все лесные птицы стали разлетаться с окрестных деревьев.

А, вверх по склону, удирал перепуганный медвежонок, подгоняемый Пистоном. Он тоже кричал... Мамке-медведице...

Встревоженный Никифор только поднялся с пня, как в объятия к нему угодил Ванятка...

– Ми... Ми... Ми...
Мишка косолапый
По лесу идёт!!!
Шишки соби-ррр-ает,

Пе-сен-ку поёт!!!
Вот!!!!!!!!!!!!

И, заревел, белугой...

(23 марта 2014 г. 21.00.)

Мишки рыбалят

Запах цветущей черёмухи врывается в раскрытую форточку, и не давал спать, наполняя избу неповторимым ароматом...

Дед Никифор встал осторожно, стараясь не скрипеть старой кроватью. Тихонечко, на цыпочках, подошёл к «красному углу», и поправил тлеющий фитилёк лампы.

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси и помилуй нас, грешных...

– Деда! Ты чего там бормочешь? Спать не даёшь... – раздался голос младшего внука с печи.

– Дык, молюсь, Ванятка! – ответил дед.

– Молишься? Или стихи рассказываешь?

– Молюсь... А стихи... Стихи, они... В «букварях» ваших...

– А, зачем, деда, молишься?

– Надоть так... Стариками завещано...

– Завещано? Какими вещами?

– От, дурень ты, малолетний! Я Богу молюсь!

– Богу? – Ванятка глубоко вздохнул, пытаясь сообразить, кто такой Бог, – А... А он где?

– Где-где? На небе!

– Хи-хи! Дед! А, как же он по небу ходит, и не падает?

Ванятка закатился залиvistым смехом, разбудил Ваську-старшего. Тот, в непонятках, стал шарить по стене...

– Вась! Ты чего ищешь?

– Бога...

Никифор, не в силах продолжать молитву, поддавшись озорству своих пострелят, и начал стаскивать их с печи. Те визжали, как поросята... Особенно, когда дед начал окунать их в ушат с колодезной водой.

– Мойте! Мойте пяточки свои, чумазые, – приговаривал Никифор, умывая внуков...

А внучата визжали, брыкались... Как будто впервой им было умываться водой леденящей...

– А ты, дед, нам обещал... Кое-что...

– Чевось обещал?!

– Медведишную рыбалку показать!

– А-а-а... Коли обещал, слово сдержу! Собирайтесь, чиграши!!!

* * *

Мокрыми от росы, по пояс, наши путешественники взгромоздились на большой камень подле бурной реки. Надрали лапника елового, улеглись на него, и стали наблюдать.

Дед Никифор вынул из чехла старенький, сорокократный бинокль, который достался ему в наследство. От отца-фронтовика. Настоящий! «Цейсовский»!!!

Ближе к полудню, у реки появилась медведица с медвежатами. Один – блёклый шерстью, «пестун» прошлогодний. Другой – будто игрушечный, в эту весну рождённый.

Медвежата уселись на берегу. Мамка-медведица что-то буркнула «пестуну». А он ответил ей: «Ладно, дескать, буду приглядывать за младшеньким!»

Медведица побрела к перекату, туда, где помельче. Ступила лапами в воду, и содрогнулась от холода. Ух, ледяная водица в реке!!! А что делать? Грибов-ягод ещё нет, а детки есть хотят! И учить их надобно!

Пробравшись на середину порога, медведица встала на задние лапы, и замерла. Знала, бурая, что в это время таймень да хариус, противу течения идёт... На нерест... Мать-Природа зовёт рыбину туда, где есть спокойные затишины, пригодные для икромета...

Медвежата, глотая голодную слюну, внимательно наблюдали за действиями матери. Хочешь жить – научишься!

Та, замерла, будто каменная, всматриваясь в бурлящий поток. Минута, три, пять, десять... Неожиданно медведица, наотмашь, врезала лапой по воде!!! Да так, что радужные брызги окутали её с головы до ног!!! Ещё удар! Ещё!!! Ещё!!!

Серебристые хариусы вылетали на берег. Один за одним! Приплясывая на прибрежной гальке... Голодные медвежата хватали добычу, и ели, ели... Будто хотели наесться... На всю свою, медвежью, жизнь...

Некоторое время спустя, когда рыбы на берегу уже было предостаточно, медведица выбралась из воды.

Поругалась, по-медвежьи, на бестолковых сынишек, которые поотгрызали головы рыбки, и довольно ворчали, набив свои брюшки...

Что-то, бормоча, медведица вырыла яму под сваленным деревом, и начала таскать туда рыбу. «Пестун» бросился помогать ей, памятуя о прошлой, голодной весне, когда лёд на реке стоял до июня.

Собрав всю рыбу воедино, они начали аккуратно закапывать своё «рыбохранилище». Протухнет, но сгодится! Любая еда лесному зверю в пору!!!

Маленький медвежонок суетился, хватая, то одну, то другую рыбину. Мамка-медведица ругалась на него. Но и он, «не лыком шит», что-то отвечал ей, грубовато...

Не выдержала мамка, схватила озорника в лапы. Присела, переложив неслуха через колено, и... Давай шлёпать его по тому месту, «откель ноги растут»...

Как человек... И медвежонок, наказанный, плакал... Как человек...

* * *

...В звенящей тишине раздался Ваняткин вопль:

– Дед! Макары заели!

Хоть и учился Ванятка правильно разговаривать, но вместо «комаров» у него вылетали «макары»...

Медведица, услышав голос человеческий, встала на задние лапы, и... ноздрями... воздух... «Уффффф! Уффффф! Уффффф!»

Близоруки медведи, посему, больше на нос надеются, чем на зрение.

– Давайте-ка, ребятки, тикать – шепнул Никифор.

– Ещё охота поглядеть, – взмолились внуки.

– Тикаем! Тикаем!, – шептал дед, подталкивая внуков, – Даже медведь-шатун, зимой, не так страшен, как мамка, защищающая своих деток...

Аромат цветущей черёмухи свалил деда и внуков в сон...

Спите сладко!

Вспоминайте «медведишную рыбалку»!

(28 марта 2014 г. 22.22.)

Самая вкусная рыба на свете!

Дед Никифор начал собирать снасти с вечера. Но прежде, накопал с внучатами, Васькой да Ваняткой, червей в огороде. Жирных, красных! Целую банку!

Потом еле утолок мальчишек спать. Расшалились, размечтались думками о предстоящей рыбалке. Хвалились друг-другу: кто большего карася выудить сможет...

Выдохлись, засопели носами...

Розовой ниткой забрезжил восход... Дед поднялся с кровати, согрел чайник, и взялся будить разомлевших внуков:

– Мужички! Кто рыбы хочет? Встаём?

– А-га... Сейчас, деда... Сейчас... Ещё... Минуточку...

Усмехнулся дед, налил чайку в кружки. Себе – покрепче, внучатам – пожиже да послаще. Сидит, громко сахарком похрустывает, да фыркает, потягивая терпкий, бодрящий напиток. Покряхтывает да покашливает специально, чтобы внуки пробудились...

– Да, встаём... Встаём... От, расшумелся, старый!

– Вот, и славненько! А то... Все караси разбегутся... От таких засонь...

* * *

Добрались до озера. Вымокли в росе, напрочь! Пищат внучата, жалуются. А дед над ними посмеивается, да удочки разматывает.

Разместились, уселись... Каждый на своём месте, заботливо подготовленном Никифоров.

Дед карасей таскает, одного за другим, а Ванька да Васька дремлют. Поплавки на их удочках, и дрыгаться перестали. Видать, обмолотили караси червей... А на пустой крючок только «рыба-дура» клевать станет...

– Деда! Холодно!

– Так, костёр разожгите!

– Деда! Есть хочется!

– Разожжёте огонь, будет вам еда! Самая вкусная на свете!

Мальчишки бросились к ближайшей рожице за сухими ветками. Натаскали большую кучу. Долго возились с отсыревшими спичками, пока Васятка не догадался, и не сгонял за берёзовой корой.

Вскоре потянуло горьковатым дымком, который начал стелиться от костра, вместе с утренним туманом.

– Деда! А, как же мы готовить будем? Ни котелка у нас, ни другой посуды?

– Хе! А без посуды не умеете?

– Не-а...

– Возьмите ведёрко, и сгоняйте за глиной. Во-о-он, на тот пригорок! Да, смотрите, красной наберите. В овражке...

– Ты что, дед, горшок будешь лепить?!

– Ага! Горшок! С вершок и четверть! Бегите, ужо!

* * *

Когда внуки вернулись, дед уже выпотрошил десяток золотобокх карасей. Порывшись в «сидоре», он вытащил кулёчек с солью, зубки чеснока и луковые перья. Промыв карасей в воде, он густо посолил их, набил в брюшки лука и чеснока. Затем сделал из глины густое «тесто», которым обмазал карасей. И... В костёр!

Внуки смотрели на «чудодействия» деда с открытыми ртами.

– Вы ловите! Ловите! А я за едой пригляжу!

– Деда! А что мы... С глиной есть будем?!

– Кто поест, а кто – посмотрит, – усмехался Никифор, – Если по пятку карасей не поймаете – голодными останетесь.

Когда глина закалилась в огне, и потрескалась мелкой рябью, Никифор выкатил глиняные аляпушки из костра. Аккуратно, дав чуть-чуть остыть, обстучал ножом, и разломил каждую, надвое. Соорудив из веточек вилки, вручил их Ванятке да Ваське.

Это была... Самая вкусная рыба на свете!!!

(29 марта 2014 г. 2.35.)

Рысёнка

Если бы звери умели думать...

А, кто их знает? ...Может, и думают они... Только мы этого не понимаем... Не умеем различать их языка... Со своим-то, сладить не можем...

Всё было именно так...

* * *

Ни веточка не хрустнет, ни пожухлый, прошлогодний лист не шепнёт под мягкими лапами... Осторожно пробирается лесная охотница по бурелому. Прислушивается, наострив ушки с кисточками. Принюхивается, замерев на мгновение. Охота – такое дело: или пан, или пропал!

Голодно... Давненько на зуб не попадало ничего вкусенького... Белка и мышей пяток, и те – позавчера!

Бурчит-бурлит в подтянутом животе... А охотнице кажется, что вся тайга слышит это бурчание. Приляжет на живот, затихнет... Даже глаза прищурит. А ноздрями воздух тянет, тянет... Вдруг, повезёт?

«Что это? Что за запах?» – Охотница приподняла голову и замерла... Действительно, запах был невероятно знаком.

«Птица!» – узнала охотница вкусный аромат, – «Но... Лесом не пахнет... Не глухарь, не тетерев... Даже не воробей, который постоянно ошивается около человеческого жилища... А, впрочем, что-то общее есть...»

Казалось, что в тот момент, охотница слилась с землёй, и время замедлило свой бег. Медленно, очень медленно кралась она к долгожданной добыче... Ни один брусничный кустик не шевельнулся, ни один сухой листочек не подвёл, пока охотница не оказалась на расстоянии решающего броска.

«Что?! Курица?! Откуда в тайге курица?!» – охотница была ошарашена. Следом за удивлением, мелькнула молнией страшная мысль: «Значит, где-то рядом, злейший враг – человек...»

Голодное урчание в животе сделало своё подлое дело...

Метнулась охотница к добыче. Острыми когтями, готова была, вот-вот, схватить добычу, но... Что-то свистнуло, дикой болью стянуло живот, и рвануло охотницу от земли.

Тут же раздался стук дерева об дерево, и охотница повисла вниз головой, корчась от боли, стараясь вывернуться из самой бессовестной человеческой ловушки...

Сквозь слёзы, она видела, как внизу кувыркается и истерично кудахчет курица, привязанная за ногу к колышку...

«Вот такой он, человек... Зверь! Коих больше нет на этом свете! Враг, обманщик и...» – последние мысли охотницы тайга так и не услышала...

* * *

Никифор привычно обходил свои владения.

Чуткое ухо бывалого охотника уловило куриное кудахтанье, и он быстрыми шагами направился на звук.

Неприятная картина представилась Никифору. В брусничнике истошно орала курица. А рядом, в полутора метрах от земли, в петле висела рысь...

«От, нехристи! От, нелюди! Браконьеры-дармоеды!» – возмущался вслух Никифор, – «Ничего святого! Такую животину погубили!»

Никифор сначала освободил курицу, посадив её в заплечный мешок. Затем осторожно приблизился к безжизненной охотнице. Приподнял её, а та подала голос.

«Жива, голубушка! Жива! Сейчас! Сейчас я тебя освобожу!» – обрадовался егерь. Достал армейский штык-нож, соединил его с ножнами, и перекусил стальной тросик, бережно приняв раненое животное на руки.

Осторожно, чтобы не причинять лишней боли, освободил пленницу от петли. Глубоко врезалась сталь в тело. Много крови охотница потеряла...

«Потерпи, киска, потерпи!» – уговаривал он её, как человека, – «Придём домой – помогу я тебе!»

Связал рысиные лапы, завернул потуже в свою фуфайку, и направился на кордон.

Шёл, и ругался... Самыми нехорошими словами ругал браконьеров, у которых «ни стыда, ни совести, ни чести охотничьей»...

* * *

Васятка да Ванятка гоняли мяч по просторной опушке вблизи дома. Увидели деда, и бросились к нему со всех ног!

– Деда, здравствуй!

– И вам – не хворать!

– Что? Что тащишь деда? Тяжёлое... Давай, поможем!!!

– Игрушку вам в лесу нашёл!

– Здорово!!! Давай, дед, показывай!!! Терпежу нет!!!

– Дома, чиграши... Только дома! С Муркой так нельзя...

– С кем? С кем? С Муркой?!

Опустив поклажу возле крыльца, Никифор показал внучатам свою находку.

– Бедная! Бедная рысьёна... Дед, а она живая? – пустил слезу Ванятка.

– Живая... Живая... Токмо подлечить её надоть...

– Ты что, в село её свезёшь? К этому... Как его... Вен-тинирару? – возмутился младшенький.

– Нет, Ванятка, нет! Сами управимся... – усмехнулся Никифор очередному ваняткиному «словечку» – Мы её... Травками таёжными, лаской да любовью быстро на ноги... Тьфу! На лапки поставим!

– Рыська! Рыська! Рысьёнка! Рысьёночка! – радовались мальчишки.

* * *

Крепко досталось Рысьёнке от подлой петли...

Никифору пришлось даже зашивать ей шкуру в одном месте. Рысьёнка рычала, ворчала, пытаясь вырваться из дедовых рук, показывала свой хищный характер. Затем затихала

и замирала, когда человек прикладывал к её ранам чудодейственные снадобья, утишающие боль.

Рысёнку поселили в деревянной клетке с комнаткой-закутком. В этом небольшом, но уютном жилище, уже побывали барсуки да лисицы, медвежата-сироты да волчата бес-толковые.

Рысь пряталась в закутке, будто он мог уберечь её от всех бед. Стоило появиться чело-веку, она, как домашняя кошка, выгибала спину, шипела и пыталась грозно рычать.

– Ой, как! Ой, как! – смеялся Никифор, накладывая в кормушку лакомства – Это, ты, в лесу меня напугать можешь... Коли сиганёшь с дерева на загривок. А здесь ты – в моей власти...

Прошла неделя, другая... Рысёнка стала привыкать к человеческим голосам и чуждым запахам. Рядом всегда сустились мальчишки, подбрасывая в клетку угощения, весело щебеча и не выказывая никакой угрозы.

Раны стали затягиваться. Большой человек больше не связывал её и не прикладывал мазей с ароматом тайги. Рысёнка сама старательно зализывала больные места, и всё реже пряталась в закутке, с интересом наблюдая за миром людей.

«И не такие они, уж, страшные...» – думала она, – «Наверное, и среди них есть хоро-шие и плохие... Плохие петли ставят, да из ружей палят... А эти... Эти, видать, хорошие... Кормят, не обижают... Вот, только не отпускают, почему-то? Я, уж, здорова...»

* * *

Однажды утром пришли все трое... Большой человек и двое маленьких... Принесли мясца да молочка...

«Чего они на меня смотрят? Ем же... Никого не трогаю... А этот, самый маленький, мяучит... Совсем как мой котёнок... И лапками мордочку трёт, трёт... Чего это они?»

Никифор дождался, пока кормушка не опустела. Щёлкнул замком, и открыл дверь...

– Ну, всё, гостя! Пора и честь знать! Ступай! Ступай домой!!!

Рысёнка осторожно подошла к открытой двери. Потёрлась щекой. Опустила на траву одну лапу, другую, и вопросительно посмотрела на людей: «Можно? Правда, можно?»

Затем метнулась, пятнистой тенью, метров на пятьдесят от людей, и остановилась... Посмотрела на них, мяукнула несколько раз... Поблагодарила...

Её встречал родной лес... Родной дом, большой и просторный... Иногда опасный и непредсказуемый, но... Родной... Только там зверь может чувствовать себя свободным... Никакими лакомствами и тёплой клеткой не удержать зверя в неволе. Погибнет он... От тоски погибнет...

Провожал Рысёнку, в добрый путь, дружный мальчиший рёв...

* * *

Сколько прошло времени – не упомнил... Но, однажды...

Возвращается, как-то, Никифор с обхода, и видит: на крыльце лежит большущий глухарь...

«Эко, диво! Это, кто же, нас так облагодетельствовал?» – изумился старик. А когда рассмотрел, что птица не из ружья сбита, а шея у неё аккуратно надкушена, сказал сам себе, – «От Рысёнки... Гостинчик...»

А, верить или нет... Это уже – Ваше дело...

(2 апреля 2014 г. 14.00.)

Манефа

Прошедшие четыре дня принесли внучатам неописуемую радость: электрический свет в избе горел почти до утра!!! Не как в обычные дни – в «двадцать два ноль-ноль» – отбой!

Не был жаден дед Никифор, но на небольшой бензиновый электрогенератор слишком мало топлива выдавали в конторе заповедника. И отчёт строгий спрашивали за каждый литр.

Деньги у егеря водились. Только с бензином – беда!!! 18 километров по тайге канистры на себе не потащишь. Есть Савраска, но запаха любого топлива он на дух не переносит. Встанет, и стоит! Хоть вожжами хлещи, хоть сахарком подманивай... Стоит, упёртый, опустив голову. Фыркает, гривой машет, копытом землю роет, и всё тут!

...И телевизор мальчишки насмотрелись, и книжек начитались, и в «лото», при ярком-то, свете наигрались... Кра-со-ти-ща!!!

Никифор, тем временем, занимался совсем не свойственной ему, работой – писал отчёт! Как он говорил: «сводил таёжный дебет с браконьерским кредитом».

Сидел за столом, сопел, пыхтел, перебирая бумажки. Вставал, ругнувшись, и надолго уходил курить на крылечко.

Однажды, выдохнул: «Ну, кажись, всё... Ажур!!!»

* * *

Засобирался дед Никифор ещё до зари. Тихонько зажжёт керосиновую лампу, ещё раз проверил документы, бережно уложил их в «сидор».

Долгий путь предстоял егерю. Восемнадцать километров пешочком, двадцать два – до райцентра, на «перекладных», да до города восемьдесят.

Хошь-не хошь, а три дня на «туда-обратно» отдай!

Помолился, попил чайку и стал будить внуков.

– Чиграшата! Вставайте, ужо! Время мне отправляться!

– Де-е-е-да! Чи-час, де-да-а-а...

Холодными руками дед залез под одеяло, и стал щекотать внуков за пятки.

– А, вот, за вами медведь пришёл! Р-р-р-р!!!

– Это ты, дедушка! Никакой не медведь! – заверещали внуки, выбираясь из тёплой постели, – А, как же мы?

– Ничего! Через часок Манефа к вам придёт...

– Манефа? Снова? – взвизгнул Васька.

– Бибийга! Не хочу бибийгу! – захныкал Ванька, размазывая слёзы.

– Никакая она не Баба Яга. Зря вы так... На Божьего человека... Она обещала вас сильно не журить, да новые сказки сказывать...

Кого же так побаивались мальчишки? Кого сравнивали со сказочной Бабой Ягой? Кто такая – Манефа?

* * *

Давным-давно это было... Зимней порой...

Ещё молодой, только назначенный егерем, Никифор, отправился в обход. Да, нарвался на медведя-шатуна. Досталось ему тогда крепко от старого мишки, растревоженного браконьерами. Подрал он Никифора так, что живого места на нём трудно было найти.

Три дня искали его охотники по тайге. Дальше искать метель помешала. Посчитали тогда его погибшим.

Пришли к жене его, Аксинье, и дочке Наташке, и сказали: «Так, мол, и так!» Вытащила Аксинья из комода чёрный вдовый платок, да рановато...

Очнулся Никифор в незнакомом месте. Тепло, травами пахнет... Три лампы горят у старого Деисуса... И тень... Шепчет что-то, и крестным знаменем себя осеняет...

– Кто ты, добрый человек? – прохрипел Никифор.

– Манефа! Монахиня! Отшельница я... Не бойся, мил человек! Ты в моём скиту – как у Христа за пазухой...

– Как я здесь оказался?

Монахиня рассказала Никифору, как тащила его, разодранного медведем, почти сутки на еловых лапах. Как отогревала, как раны обихаживала травами таёжными да молитвами во здравие.

Так они и познакомились...

Неделю спустя, Манефа свела Никифора до дому, и стала там самой желанной и долгожданной гостьей.

Манефа не бросала семью егеря в трудную минуту. Она была рядом, когда скоропостижно скончалась Аксинья. Она утешала-пестовала, осиротевших, Ваську и Ваньку. Стала им крёстной матерью. Ненавязчиво отшельница привела Никифора к Богу.

Тот, не то чтобы, истово верил, но утром и вечером обязательно молился. Не забывал свою благодетельницу-спасительницу. Всячески помогал ей, но и не докучал.

Сколько ей было лет? Одному Богу известно. Старушка... Худенькая, но крепкая. Жила себе на берегу озера, которое в народе называл Пятачок. Огородик да коза Фифа – вот и всё её добро!

* * *

Манефа пришла, как и было оговорено, с дедушкой. Мальчишки ждали её на крыльце. Может, чёрное монашеское одеяние пугало мальчишек? Или пергаментный лик, испещрённый морщинами? Кто знает...

Монахиня подошла к детям, перекрестилась и поклонилась в пояс.

– Ну, здравствуйте, крестнички! Как ночевали-почивали?

– Здравствуй, крёстная! – Васятка бросился навстречу, и обнял старушку.

– Здрасьте, бибийга! – насупившись, поприветствовал её Ванька.

– Ну, бибийга, так бибийга... – усмехнулась Манефа, – А я вам, тут... От белочек... Орешков принесла...

Гостинцу и Ванятка обрадовался. Развязав мешочек, ребятня стала звонко шелкать лещиной.

– Крёстная! А, правда, что белки тебе сами орехи таскают? Дикие пчёлы – мёд, лисы – куропаток? – поинтересовался Васька.

– А, как же... Конечно, правда!

– Бреешь, бибийга! – констатировал Ванька.

– Вот-те, крест, Ванечка! Сами и таскают! – Манефа едва сдерживала смех.

– Сами... Сами... Не бывает так... – бурчал Ваньша, как старый дед, – Мне, вон... Никто не приносит... Кто их заставляет?!

– Как, кто? Господь Бог!

– И, как это он их заставить может?! – Ванька соскочил с крылечка, и встал, подбоченившись.

– А, вот так! Ты, малыш, стой. Не шевелись. Что бы не случилось... Ладно?

– Ну, стою...

Манефа встала рядом, перекрестилась, и стала что-то тихонечко напевать. То ли песню какую, то ли молитву...

И, вдруг, ей на голову и мгновение спустя, на ваняткину макушку... уселись два лесных голубя.

Оцепенели мальчишки с открытыми ртами. Чудо чудное... Диво дивное...

А голуби сидят себе, воркуют... Будто переговариваются друг с другом. Или людям что говорят?

– Ну, ладно! Ступайте! – шепнула Манефа и, как по команде, голуби взмыли в небесную лазурь, радостно хлопая крыльями.

– Вот... Это... Да-а-а-а... – выдохнул Васятка.

– Теперь – верю! – поставил точку младшенький.

* * *

Мальчишкам были известны и другие чудеса, которые происходили рядом с отшельницей.

Однажды они видели, как вблизи скита безбоязненно паслись изюбри. Манефа в это время копала картошку. А они, будто и не замечали человека.

Другой раз видели зайцев, которые преспокойно брали морковку прямо из рук доброй старушки.

В третий раз монахиня удивила мальчишек на берегу озера Пятачок. Встала на колени у воды, похлопала ладошкой по поверхности, и тут же десятки карасей ответили на её зов. Закипела вода у берега. Даже рукой золотистых рыбин можно было погладить.

– Крёстная! Ну, почему так? Тебя они не боятся, а от нас шарахаются?

– А я их люблю... А они – меня...

– Так, и мы любим!!!

– Так, да не так! Не совсем ещё ваши сердечки молодой природе открыты... Вот, к примеру, тот же заяц... Что он для вас? Баловство и зайчатина. А для меня – добрый сосед, который рядышком живёт. Волка вы боитесь... А он мой дом охраняет... Я ему зла не делаю, а он, за это, Фифу мою не трогает...

– А дед Никифор так сможет? Как ты... Ну, чтобы голуби... На голову?

– Пока нет... Маловато в нём ещё Божьего...

– А мы?

– Сможете, родные. Непременно сможете...

Обняла Манефа мальчишек, гладила их по головушкам, да песенку им напевала...
Катилась слеза по её щеке... То ли радостная, то ли горестная... Кто знает?

(2 апреля 2014 г. 14.00.)

Праздник без конфет

Майские праздники на подходе...

Деду Никифору в конторе заповедника паёк выдали...

Сгущёнку, кисель в брикетах, батончики соевые, карамель в бумажках и «дунькина радость» без обёрток... Две коробки «Птичьего молока»... Пряники, печенье... И всякие разности, которые внучатам в радость будут...

Собирал Никифор рюкзаки, и радовался. То-то, внучатам радость будет! И конфетками похрустят, и пряничками почавкают, и... коли Манефа придёт, то и пирожки знатные будут...

* * *

Добираться от райцентра до кордона – великое дело... Вроде, восемнадцать километров, а семь потов сойдёт!

Пять – по щебёнке... Пять – по грунтовке... И... восемь... Последние восемь – настоящее испытание...

Тут Никифору Геньша-балабол, на «шестьдесят шестом газоне» подвернулся...

– Чё ты маяться будешь, егерь? – ляпнул Геньша, – Я тебя мигом до места допру!!!

Ой, не верил Никифор обещаниям геньшиным. Знал, что сбрешет, конопатый. А согласился. Вёрсты пешком отмеривать – велико дело...

Сели... Поехали...

Всю дорогу Геньша, не умолкая, рассказывал сказки да присказки, в которых участия не принимал, но... будто главным в каждой истории был..

Балабол... Что с него взять?

Хихикнул Никифор, садясь в машину: «Ох! Наслушаюсь небылиц!».. И прав был... знаячи балабольство геньшино, шоферское...

Так и вышло... «Икнул» «газон» на лесных ухабинах, да «помер»...

– Етишкин малахай! – выругался Геньша, – Всё! Забалагурился мой брат – мотор!

– Да, ладно тебе, словами-то, разбрасываться, – успокаивал его Никифор, – Ты ремонтируй... А я... Тихонько... Пешочком... Мне не привыкать... Главное – подачку сбереги! Я быстренько: туды-сюды.. Внучата ждут...

Взавлил Никифор четыре канистры с бензином, двадцатилитровые, на плечи, и зашагал по знакомой тропке. Идёт, и думает: «Вот... Туда – два часа... Заведу внукам электростанцию... Пусть „белый свет“ им будет... Два часа – обратно... И два часа – гостинцы принести, пока Геньша с машиной ковыряется...»

Потопывая-поскрипывая, сминая тропку таёжную, добрёл до избы... А там, уж, Манефа с пирожками да куличами колдует...

Негоже, в те времена, было Христа поминать, но те, кто крест нательный носил, не брезговали советские праздники с господними совмещать...

– Христос воскрес, сестрица!
– Воистину воскрес, брат во Христе!

Перемолвился здравицами Никифор с Манефой, завёл электростанцию, и пошагал обратно... За гостинцами...

* * *

Вернулся Никифор на место, где «газон» встал... А там... Вонь непотребная!!! Такая вонища стоит, что мухи в полуметре, на лету, дохнут...

Мука рассыпана по траве, конфеты разбросаны... Банки со сгущёнкой, прокусанные мощными челюстями, то там, то тут... И вонь... Вонь непотребная...

– Где ты, хозяйнушка? – громко выкрикнул Никифор, снимая карабин с плеча, – Выходи! Погугарим!!!

Недолго таилась росомаха... Вывалилась из малинника, встала бочком, изогнула спину, чтобы больше и ужаснее казаться, и заурчала...

Бочком, бочком движется... Чует запах пороха, но наглость звериная своё берёт... Рычит, сволота!

Никифор – настороже, палец – на курке... А она... Она, растрепавшая мешок муки, раскидавшая и обгадившая «гостинцы»... Скалится... Скалится, гадина... Рычит... Урчит... Будто выговаривает: «Моё это! Моё!»

* * *

Не стал опытный егерь связываться со звериной таёжной...
Не щёлкнул курком карабинным, несущим смерть...

«Остались вы, Васька да Ванька, без конфет...» – буркнул дел, – «Не обижайтесь, уж... Росомахе... Тоже... Пасха...»

(5 апреля 2014 г. 00.01.)

Сказ о трясогузке

Взялся Никифор с внучатами картошку полоть...

Встали раненько, только солнышко, за сопкой, розовинками небушко озарило. Позавтракали наспех, и в огород.

Дед мотыгой междурядья облагораживает, а внучата – в рядках просянку да мокрицу, повилику да лягушатник выискивают. Дёргают совестливо, с корнями. Чтобы второй раз работу не делать!

Сорняки в междурядья складывают кучками. Гусям да курочкам «на салатик»...

Дед внучат шутками-прибаутками подбадривает, добрыми словами похваливает... А те, и рады стараться!!! Пыхтят, сопят, дело доброе творят!!!

Не заметили работнички, как солнышко в самый зенит забралось, и полдень обозначило.

Затих ветерок, спрятался в высоком разнотравье на отдых. А солнышко, знай, жарит да парку поддаёт... Июль – макушка лета!!!

– Ну, всё! Баста! – скомандовал Никифор, взглянув на помощничков. А у внуков – рубахи мокрые, бисеринками пот на носу поблёскивает, да по щекам скатывается.

– Соток пять отмахали! – со знанием дела, сказал Васька, старший внук.

– Считать не могёшь! Тут, целых шесть, пожалуй, будет! – отпарировал Ванятка.

Попили труженики кваску холодненького, да прилегли на меже. Передохнуть... Жилочки-прожилочки расправить, да усталость Матушке-Сырой Земле отдать...

* * *

Замер воздух на опушке. Ни веточка не вздрогнет, ни листик не шелохнётся. Только одна осинка, бедная, без ветра дрожит. Хоть и жара стоит, а будто мёрзнет она...

Лежат работнички в траве, в небушко синее поглядывают. Ищут глазами жаворонка, который, в неизмеримой высоте сочиняет звонкую песенку о лете. Где-то рядышком кузнечики-краснопёрки свои скрипочки настраивают. В мокрой ложбинке лягушки перекликаются; хвалятся – кто больше комаров да мошек съел...

Вдруг, на рябиновый куст села птичка-невеличка... Тиньк! Тиньк! Тиньк! И хвостиком смешно подёргивает.

– Дедушка! А как эту птичку зовут?

– Трясогузка.

– Как? Как?

– Трясогузка, говорю! Видишь, как хвостиком трясёт?

– Ага! Вижу. А трясогузка – полезная птица?

– А, то! Поважнее других будет!

– Даже коршуна важнее? Даже глухаря?!

– Эх, чиграши! Мало вы ещё знаете...

– А ты расскажи!!!

– В другой раз...

– Не пойдёт такое дело! Расскажи-и-и, деду-у-лечка!!!

– Ну, так и быть... Слушайте!

* * *

Давным-давно это было... То ли при царе-Горохе, то ли при сыне его – Ермохе... Не помнит уже никто. Только из уст в уста этот сказ передают. Чтобы внучат поучать!

Появилась в наших краях птичка-невеличка. Летает себе, летает. А, как звать – и сама не знает.

Летела птичка, летела. Устала. К лосю на рога, отдохнуть, присела. Посмотрел на неё лось, и говорит:

– Да-а-а... Ростом не велика, белёсые бока, чёрная ермолка, коготочек колкий, серый армячишка... Как звать тебя, слышь-ка?

— Не знаю, господин Лось!

— О! Ты меня господином величаешь, а имени своего не знаешь! Быть тебе, с твоей серостью, у меня в услужении!

— А что делать надобно?

– Садись мне на рога, да хвостиком своим мух отгоняй! Хвостик-то, у меня короткий. А мухи, ох как, допекают!!!

...Долго была птичка-невеличка у Лося в услужении...

Летит птичка дальше. Летела, летела. Устала. На улей присела отдохнуть. А тут – Медведь. Наелся мёду краденного, и охает.

Увидел птичку, и давай реветь:

– Что за птичка?! Ростом не велика, белёсые бока, чёрная ермолка, коготочек колкий, серый армячишка... Как звать тебя, слышь-ка?

— Не знаю, господин Медведь!

– Да! Я – господин! Этого леса хозяин! Быть тебе у меня в услужении!

— А что делать надобно?

– Я буду мёд воровать, а ты – хвостом пчёл отгонять! Чтобы за нос меня не кусали!
Ну, о-о-о-о-чень больно!!!

...Долго была птичка-невеличка у Медведя в услужении...

Летит птичка дальше. Летела, летела. Устала – присела. Волчище, уж, тут как тут! Увидел птичку, зарычал грозно:

– Р-р-р-р-р!!!! Ростом не велика, белёсые бока, чёрная ермолка, коготочек колкий, серый армячишка... Как звать тебя, слышь-ка?

– Не знаю, господин Волк!

— Я не царь лесной, но барин волостной! Быть тебе у меня в услужении!!!

— А, что делать надобно?

– Ты на дерево взлетай, да смотри зорко! Как зайчишку увидишь, так махни мне хвостиком! А я, уж, отобедаю!!!

...Долго была птичка-невеличка у Волка в услужении...

Полетела птичка далёко – к речному истоку. Подальше от хищных хозяев, которые ей, бедной, ни днём, ни ночью покоя не давали...

Летела, летела... Видит – опушка. На опушке – избушка. В избушке – старушка.

Присела птичка-невеличка на крылечко. А сама дрожит от голода и усталости.

Вышла старушка на крыльцо, взяла птичку на руки, да приговаривает:

– Ой, махонька! Ой, бедненька! Ростом не велика, белёсые бока, чёрная ермолка, коготочек колкий, серый армячишка... Как звать тебя, слышь-ка?

– Не знаю... ба-буш-ка...

– А что дрожишь?

– Боюсь... Боюсь господина обидеть! Боюсь послушаться!

– А где ты тут господ видишь? Нетути! Мы, в лесу, с тобой – на равных!

– Дай мне имя, бабушка! А то, ни то, ни сё... Ни кола, ни двора... Ни гнезда, ни имени...

– Нелегка задача! Эх! Наудачу! Нарекаю тебя ТРЯСОГУЗКОЙ! Беги по дорожке узкой, летай с ветки на ветку! Живи свободно, и радуйся!!!

Сколько времени с тех пор прошло не знаю – сам гадаю! Слова складно связываю, да внукам, на науку, рассказываю...

Живёт себе, трясогузка, свободно и радостно! Только, по привычке, хвостиком помахивает... Будто боится неведомого господина обидеть...

* * *

– Ну, что, чиграши? Понравился вам мой сказ?!

...Тишина в ответ... Приподнялся Никифор, взглянул на внуков... А они... С открытых ртов слюнки пускают, да носами посвистывают...

Умаялись, помощнички!

(7 апреля 2014 г. 16.00.)

Туки-туки... Варезки...

– Деда! А, деда! – приговаривал меньшой внук, Ванятка, – А зачем тебе шишки – мешками?! А зачем ты приговариваешь: «Туки-туки, варезки! По снежочку санюшки... Не поели мышечки... Налегай на шишечки?!» Кому гутаришь-приговариваешь?

– Кхе! – кашлянул Никифор, закручивая самокрутку, – Как сказать тебе, внучок? Завтра в лес пойдем, тамочки и увидишь того, кому шишки собираю и заговор заговариваю...

* * *

Поутру... По насту хрустящему, отправился Никифор с внучатами в лес..

А, что, он, лес? Лес, как лес...

Сосёнка – к сосёнке, ёлочка – к ёлочке... Кустарничек – к кустарничку...

Всё одно... Тайга-матушка...

Полусонные внуки волочились за дедом на лыжах самоделишных... А сам Никифор нёс на плечах мешок увесистый, да не больно тяжёлый... С шишками.. Еловыми да сосновыми...

Наст под лыжицами похрустывает... Дед – передом, а внучата позади волочатся, полусонные.

Солнце раннее им улыбается, морозец за щёчки румяные их щиплет. А им... Им – всё нипочём: бредут за дедушкой... То ему на лыжи наступят... То друг дружке... Завалятся на бок, и... Хохоту – на весь лес!!! Всю дичину распугают!

* * *

Вышли на опушку, где ёлочки берёзки поперёд пускают... Гарь бывшая... Позапрошлогонья... Вроде, недавно дело было, а берёзоньки – в руку толщиной... Стоят, красавицы, белым телом на белом снегу отсвечивают... Любо-дорого глядеть!

Вот, тут-то, спустил Никифор тяжёлый мешок с плеч, и шишечки из него стал вытаскивать, разбрасывать, по пенькам горелым раскладывать.

Раскладывает, да приговаривает: «Туки-туки, варезки! По снежочку санюшки... Не поели мышечки... Налегай на шишечки!»

– Дед! Ну, дед! – не утерпел Ванятка, – Кого? Кого на шишки зазываешь?

– Тише, малец! Сам увидишь моего помощника...

Мгновения не прошло, как на искристый наст уселся «дедов помощник»... В красной шапочке... Дятел...

И. давай шишку долбить-ковырять! Только шелуха во все стороны полетела! И людей не боится! Знает, что не обидит защитник таёжный!

– Де-е-ед! – шепнул Ванька, уткнувшись носом в тулуп, – А... А почему ты... дятла... лесным помощником кличешь?

– Потому, внучок, – ответил Никифор, поправляя на Ваньке шапку-ушанку, – Потому что он деревья худые метит... Знает, санитар, которые из них больные... Заранее из них червячков выковыривает. А я – за ним... Метки ставлю... Чтобы лес здоров был... Как ты, малец!

* * *

Усевшись на пенёк, Никифор закурил... Внучата увалились на снег, и с интересом наблюдали за «дедовым помощником», который кликнул-присвистнул, и на зов его слетелись, ещё с десятков, лесных санитаров...

А дед покуривал, да нашёптывал слова заветные: «Туки-туки, варежки! По снежочку санюшки... Не поели мышечки... Налегай на шишечки!»

(21 апреля 2014 г. 12.50.)

Ласточкина наука

Ранним летним утром, когда речка только окуталась молоком тумана и зарозовела, на кровати завожился Ванятка. Меньшой внук егеря Никифора.

Сам дед, уж, и корову проводил на соседний луг, курочкам да уточкам зерна задал, кроликам – травки свежей.

Сидел, да тихонечко карабин свой чистил и смазывал...

Потянувшись, протерев глазёнки, Ванятка опустил ножки на прохладный деревянный пол...

– Утро доброе, Ванюш!

– Какое же оно доброе, – отозвался внук, – Орут и орут... Спать не дают...

– Кто, орёт-то? Вроде, тишина вокруг... Токмо комарики звенят... – усмехнулся дед.

– Кто-кто? Ласточки!!!

– Кхе! Так, они, ласточки-то, вместе со мной встали! Столько дел уже переделали!

– Ой, дед! – съехидничал Ванятка, – Какие у ласточек дела могут быть? Летают себе... Да орут... Лучше бы спали... До полудня...

– Э-э-э... Не говори так, милый. У каждой Божьей твари – своё место, своё время и своё занятие!

– Вот... Сам говоришь – «твари»... А, слово-то, нехорошее... Бранное...

– А ты, Вань, на это слово с другой стороны глянь!

– Это как?

– Тварь – от слова «творить»... То есть, «сотворённая»... Вот, Господь любое существо сотворил, и ему волю дал... Творить...

– Что творить? Вот так... Орать по утрам? И людям спать не давать?

Не выдержал Никифор. Захохотал, закашлялся...

Из-под тёплого, стёганого одеяла явилась на свет Божий белобрысая голова старшего внука – Васьки. Смачно зевнув, он замахал руками, находясь, наполовину, в сладком утреннем сне, и выдал:

– А? ...Чё? ...Зорька ещё не пришла? Ух, тварь... Божья..

И снова упал на подушки, чмокая губами и, что-то невразумительное бормоча. Дед, с младшим внуком, зазвенели смешливыми бубенцами над просыпающейся тайгой...

Так и наступило утро... Золотое... Воспетое песней жаворонка... Ромашково-клеверное... Душистое, как разнотравье, умытое жемчужной росой...

* * *

Долго судили-рядили дед с внуками о «нужности-ненужности» за утренним чаем. Внуки ругали комаров, а дед доказывал, что без них не будет рыбы в реках и озёрах.

По разумению своему, мальчишки, наперебой, кричали о «вредности» волков да росомах, а дед убеждал их в необходимости этих «санитаров леса».

О ласточках, разбудивших Ваньку, вроде забыли... Но, на сегодняшний день дед Никифор запланировал «большое дело» – мазать глиной курятник...

Вот, тут-то, и началась «наука»...

* * *

Обычно старик замешивал глину с конским навозом в двух-трёх метрах от курятника. А тут... Шагов двадцать пять надо было шлёпать с тяжёлыми вёдрами до места мазки.

Сначала курятник мазали изнутри. Затем, три-четыре дня спустя, когда глина подсохнет, куриную обитель белили известью, чтобы вши да клещи не донимали.

Снаружи мазка была грубее, с соломой. Чтобы дольше держалось, и не отваливалось кусками до следующего раза. Да, и теплее кормилицам-несушкам было в таком «дворце».

Курятник был просторным и вольным. Поэтому, к перемешиванию глины, Никифор привлекал самого надёжного помощника – Савраску.

Лошадиные копыта «поширше» человеческих ступней будут... Да и силёнок у мерина поболее, чем у старого егеря...

Не задарма работал Савраска... Знал, что мера овса ядрёного да хорошая чистка «за труды» ему будет обеспечена. Вздыхал, фырчал, но... дело своё делал усердно. Будто понимал, что это необходимо ему и хозяину...

* * *

– Давайте, мужички! Пока Солнце голову не задрало – за работу!

– А то! – откликнулся Ванька.

– Да, втроём, мы мигом управимся! – бодро ответил Васька.

Дошли до курятника. Внуки, озираясь, отмерили расстояние от глины до места работы, но смолчали. Дед, с хитрой искринкой в глазах, поглядывал, как внуки ищут вёдра...

А, вёдер-то, нетути!!!

– Деда! А, дед... – застыли внуки в недоумении, – А, ведра... Вёдра-то... Где?

– Эх, старый дурень! Забыл!!! Идите, пошуйте!

Мальчишки бросились в сарай. Туда, где обычно стояли, эти старые, проржавевшие вёдра «для хозяйственных нужд». Но не нашли...

Стали искать вокруг сарая, на скотном дворе, вокруг избы, в огороде... Нет, и всё тут!!!

А Никифор сидит, да покуривает... Покуривает, да посмеивается, зная, что вёдра спрятаны так, что не сыскать их мальчикам...

– Деда! Не нашли! – рапортуют внуки, – Куда они делись?

– А мне, почём знать? За инвентарь вы у меня – ответственные...

– Деда! А, как же мы работать будем?!

– Подумать надоть...

Мальчишки, ни чего не понимая, присели рядом с дедом. Тот сидел невозмутимо, пуская в недвижный воздух, кольца табачного дыма...

– Так! Работать – так работать! – скомандовал дед.

– А как? Без вёдер?!

– А, как... Ласточки...

– Коли вёдер нет, то в руках носить будем!

– Так, дома же вёдра есть! Ну, те, с которыми за водой ходим! – попытались возразить внуки.

– Чистые вёдра поганить не дам!!! – резко ответил Никифор, – Вперёд, орлы! За работу!!!

* * *

Часа два «мытарил» дед внуков. Таскали глину в ладонях. И работы не видать, и спины – «в семи потах»...

Видит – утомились совсем. Еле ноги волочат... Объявил «передых»...

Попадали работнички на траву-мураву... А дед, тем временем, сходил в избу, и принёс старое ласточкино гнездо.

Оно, само по себе, отвалилось в суровую зиму. А Никифор подобрал, и сохранил... Оказалось, не зря. В поселковой школе нужда была в оформлении «живого уголка». Вот, он учителям и детишкам пообещал привезти. К началу нового учебного года.

– Ну, что? Лодыря гоняем? – зычно взбодрил внуков егерь.

– Не, деда... Мы не устали... Почти... – отозвались внуки, – Ещё... Минуток десять... А?! Отдохнём, и дальше мазать будем...

– Дело хозяйское... – одобрил дед, – Глядите-тко, сюда!

Внуки нехотя поднялись с травы, протирая, залипающие от усталости, глаза. А дед щурится, усмехается... Но серьёзный вид делать пытается...

– Смотрите, чиграши! Каждый бугорочек на этом гнёздышке – один полёт ласточки. На полверсты... И не в лапках она эту глину несёт, а во рту... Посчитаете?!

– Не, деда! Не будем! Слишком много!

– А, когда ласточка птенчиков выведет, ей кормить их надоть... Вот, Вань! Если я тебя чайной ложкой кормить буду, станешь сытым?!

– Ха-ха! Чайной ложкой? Сразу?

– Нет! Раз в час!!!

– Нет, дедуль! С голоду помру!

– А если... Чайную ложку тебе, а через час – Ваське?

– Тогда, уж, точно – не жить нам...

– То-то, и оно... Ласточка... Она... Махонькая... Но... труженица великая!!! Человеку – не чета!!! Человек... Он, по природе своей – лентяй! То, что от природы он берёт, не по праву ему принадлежит...

– А кому... «по праву»?

– Да, вот, им... Ласточкам, комарам, волкам да росомахам, пчёлам да... травинке каждой... Каждому цветочку-листочку... Каждой Божьей твари...

– Это... Которые... Не «ругательные»? – убеждал себя Ванька, – Которые «сотворённые»?

– Точно так, чиграши! ...Каждой Божьей твари – своё место, своё время и своё занятие!

(29 апреля 2014 г. 13.20.)

Сказ о муравьях

– Деда! – спросил старший внук, Васька, сметая хлебные крошки со стола, – Вот... Ты говоришь, что каждой твари – своё место и время... А, муравьи... На кой нужны?! Они, ж, мелкие... Неприметные... Только сор от них на столе... Сахар воруют... Конфеты портят... От них... Какая польза?

Задумался Никифор, почёсывая бороду: «Как бы внучатам самую суть рассказать? Чтобы... И сказкой выглядело, и правдой оказалось...»

Тут на ум пришла ему Манефа... Монахиня-отшельница... Скоропомощница... И «Святое Писание»... И стал дед, на ходу, выдумывать «муравьиную историю»...

* * *

Давным-давно это было... Человеков на Земле мало было... Всё – племя Адамово, изгнанное из Рая... За грехи...

Человеки – как человеки... Как мы с Вами... Две руки две ноги... А мозгов – только на похоть и баловство...

– Деда! А что такое «похоть?» – включился в разговор Ванька, меньший внучок.

– Эх! Как тебе сказать? – собирался с мыслями дед, – Вот... Вот, иногда, кланчишь у меня конфеты... Скулишь: «Хочу! Хочу! Хочу! Одну хоть...» Вот это – похоть...

– Ясно... Давай! Давай, дедулечка, дальше рассказывай!!!

– Вот... Возомнили в себе человеки, что они Бога могут рукой достать... И, в граде Вавилоне, стали они строить башню...

– Какую башню, дед, – не удержался Ванька, – Неужели выше, чем твоя... Противопожарная?!!!

– Выше... Намного выше... До небес собирались люди башню построить... Чтобы до самого Бога достать...

Залились внуки хохотом колокольчиковым... Задрожал воздух от их радости...

– Ну, ты, дед, и ляпнул!!! До самого неба... До самого Бога... Не бывает так!!!

– Смейтесь, смейтесь, чиграши... А мне не верите, так у Манефы спросите... Она в «Святом Писании» пошибче меня будет, и вразумительнее всё растолкует...

– Ага! Дед! Дед! Дед! Дальше рассказывай!!!

– Дальше так дальше... Взялись людишки башню до небес строить... Строили, строили, строили... Камни таскали, песок сыпали, глину примешивали... Как мы с вами, когда курятник мазали...

Только не строится башня... Вроде растёт, но оседает под тяжестью своей... Люди добавляют, а башня оседает...

И перепутал тогда Бог им языки, чтобы не понимали они друг друга... И обратил всех строителей в муравьёв... Чтобы, молча, они пытались они возводить башни до небес... Токмо башни эти... Кхе! ...Муравейниками, теперича, кличут...

* * *

Возникшая пауза, и слова, выданные внуками, после неё, поразили деда своей детской непосредственностью и человеческой мудростью:

– Деда... Какой ты молодец! – подвёл итог старший внук, Васька, – Манефа нам рассказывала о «вавилонском столпотворении»... Но... На непонятном языке... А ты... Выдал, так выдал!!!

– Ага! – поддержал Ванятка, – Ты, дед, «Святое Писание» в сказку обратил...

Обняли внуки седого егеря... Он тискал их большими ручищами, и утирал слезу... Слезу, которая... Родниково текла из глаз, минуя всё суетное и напылённое...

Чиста слеза была, дедова... Как горный хрусталь...

(2 мая 2014 г. 13.50.)

Лесной умывальник

Рано-рано, поутру просыпались дед Никифор и внучата его – Васька да Ванька...

Большое дело предстояло на этот день: лосям солонки пополнить, дятлам да свиристым шишек да калины рассыпать на хвором, тягучем апрельском насте...

Белкам – кедровых, птичкам – сосновых да еловых...

Да, мало ли, ещё чего... Лес, он, только с виду дик... А без человеческого участия не обходится... Особенно – в заповеднике...

Дед стал будить внучат раненько... Только-только заря блёстки красные, по ночному насту, рассыпать стала... А сыпала... Горстями да пригоршнями...

21 марта – день весеннего равноденствия! Посему, день с ночью споловинились, и Солнышко раньше стало просыпаться, позёвывая, вздрагивая и потягиваясь... А времени, с сего дня, почитай, месяц миновал...

* * *

Васька, старший внук, соскочил с кровати по первому зову деда. А Ванятка, меньшей, всё потягивался да зевал.

Васька ядрёной колодезной водицей из рукомойника умылся, фыркнул, утёрся рушником, и... давай зарядку делать.

А Ванька... Ванька-то... Пальцы послунывил, глазёнки протёр, и... слезал с кровати так, будто в избе лютый мороз стоит... На цыпочках... Тихонечко-тихонечко...

– Ванюш! Доброе утро! – окликнул внучка Никифор.

– Доброе, деда... Доброе утро! – откликнулся малец, – Мы в лес идём?

– А как же! В лес пойдём-почешем... Познакомлю тебя с Лешим... – усмехался дед, – А ещё, для куражу, Кикимору покажу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.